

ШАТЕР РАХЕЛИ

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ДНЕМ ПОБЕДЫ!

Дорогие читатели нашей замечательной газеты «Шатер Рахели», евреи Твери и Тверской области и все, кому интересна жизнь нашей еврейской общины!

Время неумолимо движется, и мы отмечаем как праздники, так и памятные даты. Сейчас я от лица всей нашей общины поздравляю вас с праздником победы над фашизмом. Все мы знаем, какой ценой досталась Победа всем, кто пережил ту войну. И в этом поздравлении я хочу выразить глубочайшую благодарность тем членам нашей общины – участникам войны, кто дожил до сегодняшних дней и с благодарностью почтить память тех, кто погиб во время войны и умер уже после нее.

Как только в Твери восстановилась наша община (а было это уже больше 10-ти лет тому назад), мы начали отмечать День Победы и поздравлять ветеранов. В первые годы мы собирали больше 50-ти человек за праздничным столом. С каждым годом их становится все меньше и меньше, и сейчас, к 65-ой годовщине, в живых остались считанные единицы. Но мы сделали все, чтобы память об этих сильных и мужественных людях навсегда осталась с нами. В синагоге мы организовали музей, где можно увидеть фотографии наших ветеранов, узнать истории их жизни и удостове-

риться, что каждый из них по-своему участвовал в борьбе с фашизмом: кто на фронтах войны, кто в госпиталях, кто в тылу. Ну а тем, кто может принять наши поздравления сегодня, мы желаем еще долго быть с нами и радоваться жизни.

Хотелось бы еще вспомнить, что кроме событий, связанных с победой над фашизмом, мы еще отмечаем праздник Лаг ба-Омер. И в этом месяце весь еврейский народ обретает физическое и духовное здоровье за счет той энергии, которую он получил, когда его душа обновилась при выходе из Египта. Венец этих праздников, когда заканчивается месяц Ияр, наступает праздник Шавуот, день дарования Торы. В этом году это произойдет 19 мая. Для еврея Тора – это не только набор запретов и заповедей, высказываний и воспоминаний. Принятие Торы – это, прежде всего, принятие особого предназначения, столь важного, что от него зависит самое существование мировоздания, начало служения, которое уже никогда не может быть прекращено.

Итак, дорогие читатели газеты «Шатер Рахели», поздравляю вас со всеми этими праздниками и желаю всем вам физического и духовного благополучия.

Искренне ваш,

Игорь Эльгардт

ЭТОГО ДОСТАТОЧНО

Рассказывают наши учителя, благословенна память их, что когда великий Баал-Шем-Тов чувствовал, что еврейскому народу, а может, и всему миру, угрожала опасность, он шел в лес на известное ему место, зажигал там огонь, произносил особую молитву, и... этого было достаточно.

Его преемник, реб Борух, в таких случаях шел на то же место в лесу и... он не мог зажечь такой огонь, ведь это был не простой костер, но он произносил ту же молитву, и этого было достаточно.

Следующим был реби Дов Бер из Межириче. Он шел в лес и обращался к Творцу: «Владыка мира! Я не могу разжечь огонь, я не знаю той молитвы, но видишь, я помню место в лесу». И этого было достаточно.

Настала очередь реби из Ружине. Сидя в своем кресле, он обратился к небесам: «Боже, ты видишь, я не могу разжечь огонь, я не помню той молитвы, я даже место в лесу найти не могу. Но я могу рассказать об этом». И этого было достаточно...

Это было в XVIII веке. А когда в XX веке всему миру, ну и евреям за компанию, угрожала опасность похлеще, чем в XVIII веке, то весь мир

(и евреи за компанию) отразил ее. И люди того поколения, бывшие участниками и свидетелями этих сражений, с полным правом заповедали своим детям следовать их пути. Этого было достаточно.

Следующее поколение – это мое поколение – было во время войны несмышленишами или и вовсе родились после войны. Но мы видели фронтовиков, этих чудо-богатырей в полной силе, мы видели огонь в их глазах, мы видели: отсюда пришло спасение миру. И для нас этого было достаточно.

Наши дети видели уже не богатырей, а стариков, честно говоря, довольно скучных, – старость никого не украшает, но они видели, с каким почтением относимся к этим, вроде бы нудным дедам, мы, их родители, иногда они видели, как загорается знакомый нам огонь в глазах этих стариков, и... этого было достаточно.

Наши внуки не увидят уже никого. Они не увидят своими глазами, чьему завету и примеру следовали их отцы и деды. Но мы расскажем им об этом. И с Б-жьей помощью этого будет достаточно...

Йошуа РОЗЕНЦВЕЙГ,
раввин Тверской области

Борис СЛУЦКИЙ

ПРО ЕВРЕЕВ

*Евреи хлеба не сеют,
Евреи в лавках торгуют,
Евреи раньше лысеют,
Евреи больше воруют.*

*Евреи – люди лихие,
Они солдаты плохие:
Иван воюет в окопе,
Абрам торгует в рабкопе.*

*...Я все это слышал
с детства,
Скоро совсем постарею,
Но все никуда не деться
От крика: «Евреи, евреи!»*

*Пуля меня миновала,
Чтоб говорили нежливо:
«Евреев не убивало!»
Все возвратились живые!»*

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА

Ефим Семенович Фридман был призван в РККА в первые дни войны с третьего курса Новочеркасского индустриального института. Закончил ускоренные курсы Артиллерийской академии им. Дзержинского и был направлен на фронт.

Воевал в составе Сталинградского, Донского, Центрального, первого и второго Белорусского фронтов. Участник боев в Сталинградской, Орловско-Курской, Белорусской, Висло-Одерской и Берлинской операциях.

Е.С.Фридман награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, тремя медалями.

О своем участии в Сталинградской битве рассказывает Е.С.ФРИДМАН:

«В составе Донского фронта наш полк участвовал в Сталинградской битве до ее окончания, т.е. до 2 февраля 1943 года. Противник еще надеялся на успешное завершение летней кампании

1942 года захватом Сталинграда. Прорвав нашу оборону на небольшом участке севернее города, противник вышел к Волге и отрезал Сталинград и его защитников от основных сил нашего Донского фронта. Нам была поставлена задача прикрытия с воздуха боевых порядков наших войск. Работы было много в течение светлого времени. Боеприпасы и продовольствие нам подвозили, когда темнело.

Непосредственным защитникам Сталинграда было еще тяжелее. На город ежедневно совершались массированные налеты. С расстояния 12–15 км мы наблюдали облака пыли и дыма днем, ночью – зарево над городом. Полтора месяца противник упорно атаковал, пытаясь захватить город. Но все его попытки разбивались о стойкость и мужество защитников города и его населения. В середине октября немцы перешли к обороне везде, кроме самого города.

В то же самое время у командования созрел замысел нашего контрнаступления, были захвачены удобные плацдармы.

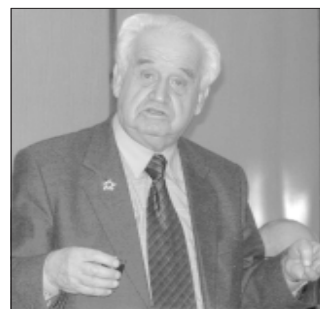
Донской фронт приступил к подготовке главного удара из района севернее Сталинграда на юг, для соединения с войсками Сталинградского фронта, наносившего удар из района южнее города на север для соединения с Донским фронтом (операция «Уран»).

Наша задача заключалась в прикрытии с воздуха районов сосредоточения и перегруппировки войск, недопущения в эти районы самолетов-разведчиков противника. Контрнаступление наших войск оказалось полной неожиданностью для врага.

19 ноября 1942 года в 7.30 утра началась мощная артподготовка наступательной операции по окружению и последующему уничтожению всей Сталинградской группировки. (В ознаменовании боевых заслуг артиллерии в Сталинградской битве, начиная с 1944 года в нашей стране ежегодно 19 ноября отмечается как День артиллерии. А с 1964 года эта дата празднуется как День ракетных войск и артиллерии). Трудно передать словами ощущения, которые пришлось испытать, когда я впервые в жизни услышал канонаду залпов «катюш» и тысяч орудий. Крупные калибры звучали где-то в тылу, а их снаряды со специфическим шумом, напоминающим шуршание, пронеслись над головой. Более мелкие калибры «работали» вокруг нас совсем рядом, а минометы и полковая артиллерия стреляли впереди на переднем крае.

В это же время Сталинградский фронт прорвал оборону противника и начал наступление на север.

23 ноября около 16-00 войска нашего Донского фронта встретились в г.Калач с войсками Сталинградского

фронта, завершив окружение большой группировки войск противника. Полное уничтожение окруженной группировки было возложено на наш Донской фронт (операция «Кольцо»).

Остальные войска получили задачу отбивать попытки врага освободить окруженных и отодвигать фронт борьбы с противником на запад.

За время воздушной блокады с 23 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. зенитная артиллерия нашего фронта уничтожила 805 самолетов противника.

Медленно сжималось кольцо окружения, так как противник, отвергая наши ультиматумы, оказывал упорное сопротивление.

Но к 2 февраля 1943 г. окруженная группировка была разгромлена и капитулировала. Сталинградская битва была победоносно завершена.

Уже 3 февраля 1943 года Донской фронт, в том числе и наш полк, получил приказ перебазируться в район Курской дуги.

До Победы оставалось еще больше двух лет.

МОЙ СКРОМНЫЙ ВКЛАД

Я участвовал в боевых действиях на Брянском фронте летом 1943 года в составе 26-й Гвардейской стрелковой дивизии 57 Гвардейского артиллерийского полка, был наводчиком 76-мм пушки. Такие пушки сейчас стоят у Суворовского училища.

В ходе боевых действий пришлось освобождать населенные пункты Брянской области. Во второй половине сентября 1943 года наши войска подошли к городу Брянску, и здесь были очень тяжелые бои. Мы, артиллеристы, были на нашем берегу Десны и вели огонь по фашистам, которые находились в го-

роде и оказывали ожесточенное сопротивление.

18 или 19 сентября 1943 года город был освобожден от фашистов.

В 1966 годы я, будучи майором, командовал отрядом разминирования в Брянской области. Мы лагерем стояли в г.Брянске на улице Олега Кошевого, там я нашел свой окоп.

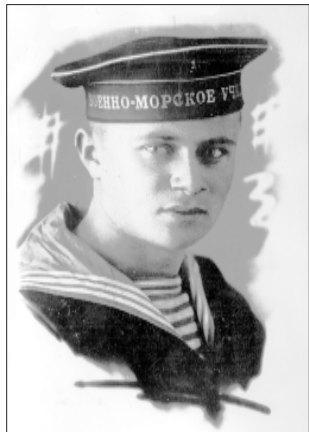
Город Брянск заслуженно получил звание «Город воинской славы». Я горжусь, что в этом есть и мой скромный вклад.

Д.МАИ,
участник
Великой Отечественной войны

Дороги военные, дороги трудовые

До войны Ефим жил с родителями в Узбекистане на станции Джума Самаркандской области, там закончил 9 классов. В январе 1942 года в Ташкенте объявили о наборе на подготовительный курс в Каспийском высшем военно-морском училище в г. Баку, где проучился полгода. Фашисты наступали на Кавказ и слушателей послали рыть оборонительные укрепления.

Через два месяца пришел приказ и весь курс расформировали. Ефим Берман попал в училище противовоздушной обороны военно-морского флота в городе Иваново. Учился в группе по воздушному обнаружению (радиолокация).

В 1944 году училище переехало в Таганрог. Из Таганрога молодой офицер был командирован на действующий Северный флот начальником радиолокационной станции. Задача станции – дальнее обнаружение вражеских самолетов и передача информации флоту о предстоящем нападении. Так, самолеты находились еще в Норвегии, а радиолокаторщики их уже обнаруживали. Военные заслуги Е.М. Бермана отмечены орденом Отечественной войны второй степени и медалями.

После войны была служба в Кронштадте, учеба в радиотехнических офицерских классах и в высшем военно-морском училище связи по специальности радиотехническая служба корабля, которое, кстати, закончил экстерном, с золотой медалью.

А потом Е.М. Берман преподавал в Калининской академии противоздушной обороны. Здесь же защитил кандидатскую диссертацию.

34 года – таков срок военной службы Ефима Моисеевича, и 28 лет работы в Тверском институте повышения квалификации работников легкой промышленности. Сначала деканом, потом доцентом.

НА СНИМКЕ: Ефим Берман в 1942 году

Я ГОРЖУСЬ СВОИМ ОТЦОМ

Зейлик Шульмович (Захар Владимирович) Шлемович родился в Твери 13 (26) августа 1896 года в семье десятника по строительству Владимира Соломоновича Шлемовича, который участвовал в строительстве моста через р. Волга (старый мост). Семья была многодетной: четыре сына и три дочери. Жили на улице Медниковской в собственном доме №15. В этом же доме жили две сестры Владимира Соломоновича: Мария Соломоновна и Зинаида Соломоновна.

Зейлик Шульмович начал работать с 14 лет репетитором, учась в Тверской классической гимназии, которую он закончил в 1916 г. Одновременно он обучался на военно-спортивных курсах. В том же году его призвали в армию, где он служил солдатом в 57-ом стрелковом полку. В связи с болезнью в том же 1916 г. был уволен из армии и поступил в Московский университет на медфак, в котором проучился до 1919 года, откуда поступил добровольцем в РККА лекарем самэпидотряда, в котором прослужил до 1923 г.

После демобилизации поехал в Екатеринослав (Днепропетровск), где поступил в медицинский институт, который закончил в 1926 году. Три года работал участковым врачом, а затем главным врачом Конаковской больницы при Кузнецовской фарфорово-фаянсовой фабрике. Потом его перевели в г. Калинин старшим ординатором роддома №1 на Пролетарке.

В 1936 году З.Ш. Шлемович был назначен главным врачом роддома №3. В строительстве роддома, укомплектовании оборудованием и наборе персонала принимал активное участие.

В 1939 году, в связи с началом финской кампании, был призван в армию, получил звание военврача 2 ранга и работал начмедом эвакогоспиталя №1986 в г. Калинин.

В 1941 г. его назначили начальником этого госпиталя.

Практически весь день я проводил в палатах госпиталя, наблюдал за ранеными и работой медперсонала. Я видел, каким уважением и авторитетом среди

них пользовался мой отец.

Ежедневно в помещении зала госпиталя показывали какое-нибудь кино. Особенно все любили смотреть военную хронику. Большим праздником был показ фильма «Разгром немецких войск под Москвой». Там были кадры про освобождение г. Калинина, которые крутили несколько раз и постоянно встречали аплодисментами, так как весь персонал госпиталя был из Калинина.

После освобождения в 1943 году г. Смоленска от фашистов отец во главе госпиталя №3747 переехал в освобожденный город, а затем в этом же году в составе 3-го Белорусского фронта – в Восточную Пруссию. Сначала в г. Инстенбург, а затем в г. Кенигсберг, где и возглавлял госпиталь вплоть до Победы 1945 года.

После демобилизации Захар Владимирович вернулся в г. Калинин, где работал главным врачом роддома №3, а затем был переведен на должность главного акушера-гинеколога Калининского района, где и работал до конца своих дней.

Во время войны Захар Владимирович был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени и медалями. После войны он получил звание заслуженного врача, награжден орденом Ленина.

Начиная с 1926 года З.Ш. Шлемович постоянно избирался депутатом городского и районного Совета, постоянно возглавлял комиссию здравоохранения Горсовета.

Среди наших родственников много известных людей. Дядя отца Илья Соломонович Шлемович и его тетя Софья Марковна были известными в городе фтизиатрами, организаторами противотуберкулезной службы и создателями противотуберкулезного санатория на станции Черногоубово.

Когда в 50-е годы было организовано «Дело врачей», началась травля дяди и его жены. Илья Соломонович в результате этой травли получил инсульт и до самой смерти был прикован к постели, а его жена Софья Максевна покончила с собой.

Два брата Захара Владимировича переехали в Москву. Старший, Иосиф Владимирович, работал специалистом в художественной мас-

терской, младший – Соломон Владимирович – главным специалистом по водоснабжению в Министерстве сельского хозяйства СССР.

Третий брат – Илья Владимирович – работал старшим санврачом на участке от станции Ховрино до станции М.Вишера Октябрьской железной дороги и имел звание «Почетный железнодорожник».

Жена Захара Владимировича – моя мать – до революции окончила курсы сестер милосердия, организованных в г. Твери женой императора Николая II Александрой Федоровной, которая неоднократно навещала и курировала их работу. После окончания в 1914 году курсов мать работала медсестрой в госпитале, а с 1919 года в 1-й горбольнице заведующей физиотерапевтическим кабинетом.

Последние годы жизни отца были нелегкими. Начались необоснованные придирки со стороны Горздрава. В результате чего его перевели с заведования роддомом №3 в районные акушеры-гинекологи. И он, несмотря на преклонный возраст и ухудшение здоровья, был вынужден мотаться по району на санитарном УАЗе.

Первый инфаркт случился в феврале 1968 г., а второй – через месяц – оказался смертельным.

Несмотря на болезнь, отец сохранял бодрость и жизнелюбие, никогда ни на что не жаловался, все переживал в себе.

Я горжусь своим отцом.

**И.ШЛЕМОВИЧ
НА СНИМКЕ: З.Ш.Шлемович**

Чудо-доктор

В 60–70 годы в г. Калинин трудилось немало талантливых, грамотных, квалифицированных врачей-евреев. Среди них был и мой свекор Шапиро Иохенон (Ян) Зейликович. Больные называли его «врач от бога». Родился Ян Зейликович в далеком 1896 году в местечке Златополь Киевской губернии в многодетной семье. Всего было 9 детей – 8 парней и одна девочка. Жили бедно и детей вынуждены были рано отдавать «в люди». Из 9 детей лишь один Иохенон получил образование. Подростком он уехал к родственникам в Одессу и поступил в гимназию. Чтобы учиться, приходилось много работать. Гимназию кончил экстерном.

В Гражданскую войну был мобилизован в армию Буденного в должности учителя, а оттуда в 1920 году поступил в Киевский медицинский институт.

После окончания института распределился в больничный городок города Канева в должности врача-терапевта. Работал и в стационаре, и обслуживал вызовы в самых отдаленных уголках Каневского района.

В 1928 и 1929 гг. в семье Шапиро родились дети – сын Зейлик и дочь Рахиль.

10 лет Ян Зейликович проработал в Каневской больнице, а затем семья переехала в город Волчанск, где он возглавил терапевтическое отделение. В Волчанске и застала его война – сначала финская, а затем Отечественная. Был мобилизован на финскую войну и служил в госпитале начальником терапевтического отделения.

С первых дней до конца Великой Отечественной войны майор меди-

цинской службы Я. З. Шапиро заведовал терапевтическим отделением фронтового эвакогоспиталя, который был по реэвакуации отправлен с Алтая в город Калинин. В госпиталь поступали раненые в основном из-под Ржева, где шли очень тяжелые бои. В это трудное время в госпитале работала сестрой-хозяйкой его жена – София Яковлевна Шапиро. В приемном отделении санитарями трудились и их дети-подростки Зейлик и Рахиль.

Закончил войну Ян Зейликович в городе Даугавпилсе. Награжден орденом Красной Звезды и медалями.

После демобилизации заведовал терапевтическим отделением в госпитале инвалидов Великой Отечественной войны. Вместе с ним в госпитале работали: врач-терапевт Симина Л.И., молодой хирург Г.Л. Фрейдман, сестра физиокабинета М. И. Батракова. Из воспоминаний Гиты Львовны Фрейдман: «Ян Зейликович очень грамотный специалист, специалист высокой квалификации, безотказный, отзывчивый, спокойный, уравновешенный человек, умел разговаривать с больными. Персонал госпиталя его просто обожал». Работая в госпитале, приходилось много летать на самолетах санитарной авиации, консультируя больных в районных больницах Калининской области. В эти годы он часто общался и сдружился с замечательными талантливыми врачами Областной клинической больницы: врачом-терапевтом Г.Н.Лифшицем и врачом-гинекологом И. А.Чернявским.

После перевода госпиталя в Черногоубово Ян Зейликович был принят в городскую больницу № 3, где работал в терапевтическом отделении стационара. Кроме того, преподавал в фельдшерско-акушерской школе. Неоднократно принимал участие во всесоюзных съездах врачей-терапевтов. Постоянно работал над повышением

квалификации, читал медицинские журналы, шагал «в ногу со временем». Никогда не жалел личного времени для больных. Главным для него было выполнение долга врача. За добросовестный труд, высокий профессионализм в оказании медицинской помощи населению города награжден значком «Отличник здравоохранения СССР» и многими медалями. Я.З. Шапиро любили коллеги и больные. В 1978 г он умер.

Несмотря на то, что его уже нет с нами более 30 лет, о нем помнят больные, коллеги и медицинские сестры, которые у него учились в фельдшерской школе. Вспоминают, каким он был мудрым, требовательным, но очень добрым.

В 2002 году мы с мужем заказывали в ателье куртку. Приемщица поинтересовалась, не родственник ли нам врач Шапиро. Когда узнала, что это отец мужа – столько благодарных слов сказала в его адрес. «Он спас мою сестру, вытащил с того света. Сестра до сих пор жива и всей семье рассказала о чудо-докторе».

Говорят, что человек жив, пока о нем помнят. Так пусть же светлая память о замечательном человеке, прекрасном враче еще очень и очень долго будет в сердцах ныне живущих людей.

Лия ШАПИРО

НА СНИМКАХ: Ян Зейликович Шапиро; в кругу семьи.

Мой отец

ЗАЩИЩАЛ РОДИНУ

*«Я в жизни знал удач немало,
И все они со знаком «Не»:
Не исключало,
Не сажало,
И не убило на войне».*

Е. Агранович

Мой папа, Яков Миронович Гольдберг, родился 10 марта 1925 года в Чечерске Гомельской области, в большой еврейской семье. 1 февраля 1943 года был призван в армию и направлен во 2-ое Смоленское стрелково-снайперское училище. Окончил училище досрочно, за 2,5 месяца, срочно нужен был младший командный состав.

Он был командиром стрелкового взвода 84-ой стрелковой дивизии 245-ого стрелкового полка 2-ого Белорусского фронта.

В летних наступательных операциях 1943 года мой папа, вероятно, не участвовал. В это время он лежал в тифозном госпитале, примерно 4 месяца. Тифом он заразился, напившись воды из колодца, куда было, как оказалось, брошено несколько трупов. Дело было ночью. С папиных слов записано дословно: «Лежал я в тифозном госпитале. Слабость такая... Теперь эти фильмы дурацкие... Передвижение солдат – и днем. Вранье это. Когда я заболел, в это время три ночи артиллерия шла из резерва командующего, а пехота – еще неделю. И все ночью. Днем шли такие артобстрелы».

Однажды в окопах раздали анкеты, набирали способных к языкам на курсы переводчиков. Яков подчеркнул: «Читаю и перевожу со словарем», хотя немецким владел свободно. Его послали в Москву на курсы переводчиков. Из Москвы пробирался в свою часть через освобожденный родной Чечерск. На улице в Чечерске ему встретилась женщина, посмотрела в глаза и упала на колени, обняла за сапоги: «Яшка!» Это была учительница его в начальной школе, Слава Семеновна. Зашел в свой дом, увидел, что дом уцелел и узнал, что там было гестапо. Узнал, что большинство жителей Чечерска (в основном – евреи), которые не успели эвакуироваться или не ушли в партизаны, были сожжены заживо в городской Ратуше. Погибло не менее 800 человек. Уцелела девочка, она спряталась за дверью, когда детей из школы выгоняли автоматами, и спаслась.

Он догонял свою часть. Однажды они с солдатами на станции что-то грузи-

ли в вагоны. Работали весь день, почти до ночи. Потом сели в вагон, поезд тронулся. Болтали, смеялись, радовались, что едут, а не пешком идут. И тут Яша хватился – автомата нет (может винтовки – точно не могу сказать). Ментально вспомнил, где оставил – прислонил к стене амбара какого-то. А поезд-то идет. Спрыгнул на ходу и обратно – километров 25. Нашел автомат. А поезд разбомбило. Весь!

13 ноября 1944 года Яков был ранен. Я записала его рассказ почти дословно. «Это было в Восточной Пруссии. Я-то был офицер, да и опытным считался. А вот угораздило. Да черт знает, как вышло: хоп, одна недолет, вторая перелет, знал же, что третья – моя. И осколки от снарядов летят во все стороны. Боялся честь мундира замарать перед новобранцами, вот и не нагнулся. Ранило. Упал, думаю, нужно к связистам доползти, свои перевязать не сумеют, новички. Но перевязали кое-как, перетащили. Нет, не в землянку, а так... Повалило несколько деревьев, мы их землей забросали, получилась нора такая. Под вечер подходит солдат и говорит, что пушки сейчас повезут, и раненых захватят, собирайте имущество. Ну какое у меня имущество? Правда, за день до этого офицерам выдали белые вязаные шерстяные свитера, вот его и взял. Да денег 370 рублей. Встал, попробовал идти. А солдат подхватил, понял, что не получится у меня самому. Как солдат помогал, помню, потом потерял сознание. Очнулся в теплушке, в санитарном поезде. Как сюда попал – не знаю, и долго

ли еду. Лежу на верхней полке, чувствую, как кто-то меня обшаривает. Санитар, сволочь. Я ему говорю: «Нет у меня ничего». Он взял свитер, теплые носки, мыло и деньги: «Тебе не надо, ты все равно не доедешь». Я опять потерял сознание.

Очнулся в палатке какой-то. Холодно! Спросил, какой сегодня день – 17 ноября. Вошел майор, военврач. Ему докладывают: «Он говорит, что легкораненый, а сам который день без сознания». Майор увидел, что я встаю. Говорит: «Посмотрите на меня». Встал, смотрю, а в глазах двоится и все смещается куда-то вверх. Я засмеялся, голову вверх закинул. А майор говорит: «К нам его, быстро!». Положили на стол, стали ноги привязывать. Я говорю: «Не надо, я сильный и вам не помешаю». Тут меня майор по черепу молоточком «тюк», и я тогда: «Нет, все-таки привяжите».

Первая операция плохо прошла. Майор Никольский Борис Николаевич хотел обратно через канал осколок из головы достать, но ничего не вышло. Тогда он решил с другой стороны долбить. Меня назавтра снова в операцию, майор говорит: «Не могу операцию начать, ты улыбаешься и не знаешь, что шансов у тебя немного. Потерпи, браток».

Потом, много позже, я с сыном этого майора учился в Московском лесотехническом институте, он младше меня на два курса. Игорь Никольский.

Далее эвакуировали меня во фронтową госпиталь в Каунас. Положили нас, тяжелораненых, в машины и повезли. Хоп, остановка, бомбежка. До госпиталя немного не доехали. При бомбежке половины здания госпиталя – как не бывало!»

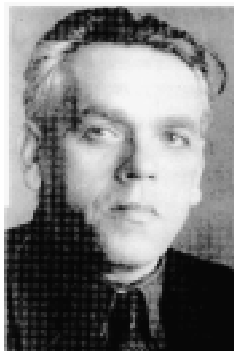
Яков Миронович Гольдберг до своей кончины в 1981 году проработал начальником Калининской аэрофотолео-строительной экспедиции.

Папа прожил великолепную счастливую жизнь длиной в ... 56 лет. Он, носивший осколок в голове до смерти, умел каждый день радоваться жизни и говорить об этой радости! Любил своих детей, занимался с ними, играл в шахматы, пел. Говорил, что самое интересное в жизни – это люди, и что нужно научиться бережно относиться к каждому человеку, бояться его обидеть.

Анна ПИОТРОВСКАЯ
2010 г.

В прифронтовом районе

Наш отец, Матвей Наумович Зингер (бывший секретарь Луковниковского райкома партии, комиссар Луковниковского партизанского отряда), обладал талантом человеческого

общения и всегда находил возможность оказать помощь: кому словом, а кому и конкретным делом.

Друзей у него было множество и по партизанскому движению, и по партийной работе, по училищу, где он, будучи на пенсии, работал директором, и по работе в общественной приемной газеты «Тверская жизнь» (ранее «Калининская правда»).

Приближается славная дата – 65-летия победы над немецко-фашистскими захватчиками. Ощутимый вклад в дело разгрома врага внесли трудящиеся Калининской области. С большим интересом читаются яркие страницы, рассказывающие о боевых действиях наших партизан, действовавших длительное время в глубоком тылу противника. Приволжские районы Калининской области подверглись оккупации на

сравнительно короткий срок. Характерным для этих районов явилось то, что именно здесь разворачивалась историческая «Битва под Москвой», именно здесь были остановлены, а затем и разгромлены фашистские полчища, остревенело рвавшие к Москве. В приволжских районах Калининской области начало разворачиваться партизанское движение в труднейших условиях прифронтовой полосы – в зоне скопления вражеских войск. Здесь приобретался не только первый опыт партизанской борьбы, но и первый опыт восстания разрушенного оккупацией хозяйства.

Партизанский отряд Луковниковского района действовал в особых условиях – в условиях прифронтовой полосы. Главной особенностью являлось требование тесного взаимодействия с воинскими подразделениями по другую сторону линии фронта.

В период с 16 октября 1941 г. по 1 января 1942 г. партизанские отряды под руководством оперштаба (комиссар Зингер М.Н., командир Карцев П.А.) провели ряд боевых операций, которые в большинстве случаев разрабатывались в соответствии с задачами частей дивизии.

Партизанами сделано более 100 боевых разведок и доставлены ценные сведения командованию воинской части, из них 3 случая с приводом конт-

рольных пленных. Распространено в населенных пунктах и на дорогах в тылу противника 19000 листовок и газет. 20 раз нарушена связь противника, при этом смотано 37 км провода.

По заданию командования на ряде участков отряды Громова и Цветкова держали оборону, а также вместе с подразделениями дрались за освобождение населенных пунктов: КАРМАНИХА, КАЗАКОВО, ПЕСТОВО, д. УБЕНКИНО. Все они освобождены при активной деятельности партизан. Боевые действия партизан нанесли значительный урон живой силе противника.

Большую помощь партизаны оказали как проводники полковых и дивизионных разведок. Следует отметить как лучшую работу двух отрядов – Громова и Цветкова (комиссары Сурин и Николаев), а из партизан особо отмечаем самоотверженную, героическую работу Новоселова. Медсестрами партизанских отрядов оказана помощь раненым бойцам, за что командир полка объявил благодарность Копетовой и Андрейкиной.

Большинство участников партизанского сопротивления награждены правительственными наградами. Наш отец – Матвей Наумович Зингер – был награжден орденами Отечественной войны, Знак Почета и медалями.

В. ЗИНГЕР

Евгений Агранович родился 13 октября 1918 года в городе Орле.

Начал писать песни с 1938 года. Во время войны пошёл на фронт, где продолжал сочинять стихи и песни. Некоторые из его песен получили анонимное распространение и фактически стали народными.

После войны окончил Литературный институт им. Горького (1948).

Скончался в Москве 29 января 2010 года.

НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫЕ ПЕСНИ

«Одесса-мама» (в соавторстве с Б. Смоленским, 1938–1951)

«Солдат из Алабамы»

«Пыль» (первые 4 строфы по стихам Р. Киплинга в переводе А. Оношквич-Яцыны, 1941–1943)

«Лина» (1942)

«Я в весеннем лесу пил берёзовый сок...» (1956)

«Песня парашютистов» (из кинофильма «Прыжок на заре»)

«Скользит тропа среди камней»

«Последний рыцарь на Арбате»

«Малюсенький моллюск»

«Сабля-любовь» («Любовь стараясь удержать») (конец 1950-х)

«Вечный огонь» («От героев былых времён», музыка Р. Хомзака)

«Лебединая песня» (1991)

*Вот красный день в календаре,
Медали деда.
В ребячьих играх на дворе
Жива Победа!
Герой, привет с передовой!
И ждем ответа.
– А есть ли в роте кто живой?
– Жива Победа!
Конечно, знает молодежь:
Когда-то, где-то...
Хоть ветерана не найдешь,
Жива Победа!
Не потускнеет месяц май
И радость лета.
И, как ее ни заслоняй,
Жива Победа!
На нас взирают свысока,
Но нет секрета,
Что мы – герой-народ, пока
Жива Победа!*

Разбирая документы после смерти отца, я обнаружил странную расписку. На пожелтевшем от времени листке со штампом Наркомпроса СССР было написано: «10 октября 1941 г. главный бухгалтер Смоленского облоно Клебанов Калман Залманович сдал наличными сто пятьдесят семь тысяч рублей из средств облоно для сдачи в госбанк, что я удостоверяю, комендант Наркомпроса В. И. Степанков».

Почему-то я решил сохранить эту давнюю расписку и отложил ее в стопку важных отцовских документов. Вспомнил я о ней спустя много лет перед отъездом в Израиль, и вот при каких неожиданных обстоятельствах. В августе 1993 г. в Тверской областной газете был опубликован рейтинг работавших в области адвокатов. Во второй строке стояла моя фамилия, имя, отчество и странная приписка: «По имеющимся достоверным данным адвокат Клебанов в ближайшее время готовится к репатриации в Израиль».

На следующий день после публикации в юридической консультации, где я работал, раздался телефонный звонок. Незнакомый голос взволнованно спросил меня, имею ли я какое-либо отношение к тому Клебанову, который работал в Смоленском облоно. Получив утвердительный ответ, незнакомец спросил разрешения как можно скорее встретиться со мной по очень важному для него вопросу.

В назначенный час в юридическую консультацию вошел коренастый человек с открытым приятным лицом. «Это я вам звонил, — сказал он, смущенно улыбаясь, — прочитал в газете вашу фамилию. Ваш отец спас мне жизнь. Жив ли он, ведь столько воды утекло за время, пока я пытался что-то узнать о нем?»

Узнав, что отец умер еще в 1965 г., незнакомец сокрушенно кивнул головой и, немного помолчав, тихо произнес: «А я ведь даже его не поблагодарил тогда в Москве. Да что было взять с меня, двенадцатилетнего мальчишки. Просто разревелись при прощании, и все».

А познакомился я с Вашим отцом в Вязьме. Мы с мамой и младшим братом эвакуировались из Орши. Уже к ночи эшелон, в котором мы ехали, прибыл в Вязьму. Я вышел по нужде, а поезд в это время тронулся. Так я и остался один на перроне без всего. Дежурный по станции привел меня, зареванного, в аппаратную, куда-то стал звонить. А потом сказал, что связь прервана, и он не знает, что со мной делать. В это время в аппаратной появилась Ваш отец. Он был в легком пальто. В руках у него был коричневый, помню, чемоданчик и узелок с вещами. Он хотел узнать, будут ли еще поезда в сторону Москвы. Дежурный покачал головой. По его данным, на каком-то километре, он назвал цифру, немцы разбомбили эшелон и, пока не восстановят движение, вряд ли возможно движение в сторону Москвы, да и фронт уже рядом. Он посоветовал идти на шоссе и там ловить попутку. Тогда я не знал, что именно в том эшелоне ехали моя мать

и братишка и что они погибли при бомбежке. Дежурный попросил, чтобы Ваш отец прихватил и меня. Он согласился. Уже за полночь, помню, мы добрались до шоссе. Показалась военная полуторка. Отец остановил ее, посадил меня в кузов, влез сам, и машина тронулась в сторону Москвы. В пути несколько раз пришлось останавливаться.

Фашистские самолеты будто висели в небе. От бомб и пулеметных очередей мы прятались в придорожных канавах. Нас довезли до какой-то деревни. Кончился бензин, машина стала. До утра мы зарылись в стог сена, а потом снова стали ловить какой-нибудь попутный транспорт. Вскоре из ближайшей деревни показался обоз из нескольких подвод, за которыми угрюмо брело стадо коров. Видимо,

ЭТО БЫЛО В 41-М

Калман Залманович Клебанов

колхозники угоняли от немцев скот. Нас взяли. Но спокойно проехать удалось лишь несколько километров. Снова налетели немецкие самолеты. Они летели на бреющем полете. Я хорошо видел в кбинах фашистских летчиков, и они, конечно, видели, что едут мирные граждане, тем не менее они бомбили и обстреливали из пулеметов наш обоз. Вместе с другими мы побежали в поле. И тут посыпались бомбы. Я упал на землю и почувствовал, что Ваш отец прикрыл меня своим телом. Когда свист бомб прекратился, я увидел мертвые тела людей, полузасыпанные землей, бегающих по полю, изрытому воронками, испуганных коров. Ваш отец что-то искал в земле. Чемоданчик! Его, видимо, унесло взрывной волной. Уцелевшие возницы звали нас, но Ваш отец будто не слышал их призывные голоса. Он продолжал лихорадочно искать чемодан. Я, боясь, что уеду без нас, бросился к отцу и потянул его к шоссе, но он вырвал руку и сказал, что не может уйти, пока чемодан не будет найден. В нем очень важные документы. Я стал помогать ему искать пропавшего. Рыскал по кустам и воронкам и неожиданно увидел торчавшую из земли ручку чемодана. Он был помят, но замки надежно держали крышку. Когда мы вышли на шоссе, оно было пусто. Нас не стали ждать напуган-

ные колхозники. Не надеясь на какую-либо оказию, мы побрели по обочине шоссе в сторону Москвы. Уже поздно вечером из-за поворота показалась санитарная машина, ехавшая без огней. Видимо, мы выглядели так жалко, что нас взяли, потеснив раненых. Так мы добрались до окраины Москвы.

На трамвае доехали до высокого здания с большими окнами, заклеенными крест-накрест бумажными лентами. Я в изнеможении присел на ступеньке крыльца, а ваш отец стал звонить. Рядом с массивной дверью висела большая красная вывеска с золотыми буквами. Это и был Наркомпрос. Наконец массивная дверь отворилась, и на пороге появился заспанный высокий человек в военной форме с кобурой на ремне. Ваш отец ему что-то объяснял, пока военный не впустил нас вовнутрь. Там отец открыл чемоданчик, я с изумлением увидел не документы, а пачки денег. Много пачек.

— Мы получили их на ремонт школ. Кто думал, что придется бежать. Надо, чтобы деньги были сданы в банк. Хотя Наркомпрос эвакуирован, вы должны мне помочь в этом, — говорил Ваш отец коменданту...

Я помню, с каким удивлением смотрел тот на отца и потом, пересчитывая купюры, шуточно заметил: «Да с такими деньгами всю войну прожить можно безбедно. Никто бы не узнал, что с ними случилось в такой неразберихе... За те дни, что Наркомпрос эвакуировали в Куйбышев, вы первый, кто с таким поручением обратился». Комендант дал отцу какую-то бумагу и долго с благодарностью тряс его руку.

Ваш отец на прощание обнял меня, а я даже и спасибо ему не сказал. Разревелись, будто с отцом родным прощались.

Отправили меня в детский дом, где пришлось прожить пять лет. Потом было ремесленное училище. Там-то я и узнал, что отец мой еще в 1942 г. под Сталинградом погиб, а мать и братишка при той бомбежке. Не отстань я от поезда, не знаю, говорил бы сейчас с Вами. Да и отец Ваш спас меня от уготованной смерти. Став старше, решил я исправить свою давнюю ошибку. Разыскать Вашего отца, поблагодарить от души. Его мужество в те страшные дни, честность для меня на всю жизнь стали примером. После ремесленного училища я трудился на Мытищенском вагоностроительном заводе, потом был призван в армию. Там окончил военное училище, 20 лет прослужил офицером. Воевал в Афганистане, демобилизовавшись, вернулся на завод в Мытищи. В Тверь приехал в служебную командировку на здешний вагоностроительный. И тут, к счастью, удалось узнать о моем спасителе.

Вашего отца я буду помнить как человека с большой буквы. Светлая ему память», — так закончил свой рассказ подполковник в отставке Михаил Поярков.

Зиновий КЛЕБАНОВ

Приближается открытие музея истории еврейской общины города Твери. В музее – несколько больших разделов, посвященных разным временам с конца XIX до начала XXI века. Экспозиция начинается с рассказа о сосуществовании членов тверской еврейской общины с городскими властями, о занятиях торговлей, о праздниках в конце XIX – начале XX века.

Комплекс документов посвящен обучению тверских еврейских детей. Свидетельство на звание Меламеда было выдано в 1894 году Ицке Марголину. В том же 1894 году прошение быть Меламедом подавал житель Твери Мовша Язур. Он просил разрешить обучать детей закону веры, чтению и письму непосредственно в своей квартире на улице Чернявской в Твери. Рядом с прошениями и выданными свидетельствами-лицензиями на преподавание – рисунки с почтовых открыток конца XIX – начала XX веков. На них мы видим еврейскую семью в момент зажигания ханукальных свечей, ребенка, которого родители привели к раввину. Та-

тия Калининской синагоги в конце 1930-х годов в доме Заборовых, находившемся на улице Солодовой (сейчас это улица Лидии Базановой) была молельня. В тридцатых годах XX века привычными и обязательными предметами повседневного обихода для калининских евреев оставались кипа и серебряные стопки, использовавшиеся для субботнего Кидуша. Среди предметов 1930-х годов – открытка писем из Тель-Авива, отправленная в Тверь в 1930 году, адресованная человеку по фамилии Годес; «Записная книжка пропагандиста» с указанием национального состава населения в СССР в 1937 году.

В годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов воевали и помогали фронту родные многих членов современной еврейской общины Твери.

На фотографиях в комплексе, посвященном памяти Смоленского гетто, а также памяти всех еврейских гетто времен Второй мировой войны, изображены жертвы еврейских гетто. В витрине – фото-

СКОРО ОТКРЫТИЕ НАШЕГО МУЗЕЯ

кая же перьевая ручка и чернильница, как в музейной витрине, вполне могли быть и у этого мальчика с открытки. Один из наиболее интересных экспонатов музея – это Свиток Эстер, выполненный в конце XIX века.

Посетители музея могут лично увидеть, как выглядело «Клятвенное обещание» тверского общественного раввина Давида Гинзбурга в начале XX века. Рядом с ним – почтовая открытка начала XX века с иллюстрацией того, как проходил в Твери праздник Суккот на рубеже XIX – начала XX веков.

Одной из первых еврейских общин Тверской области, помимо общины Твери, была Вышневолоцкая еврейская община, истории которой тоже отведено достойное место. Здесь изображения «Северной Венеции» – мост через Вышневолоцкий канал, одна из улиц города. В 1914 году наконец-то был утвержден проект отдельного дома для «еврейской молельни». На фотоснимках – лица людей, живших в эпоху «войны, изменившей мир», как называли тогда Первую мировую войну: мальчик с мамой и бабушкой, российские солдаты времен Первой мировой войны. В витрине – палаш из семьи кантонистов, обязательное форменное оружие, и почтовые открытки с видами крепости Давида, уголка Иордана.

О непростом и во многом трагичном периоде жизни тверской еврейской общины после 1917 года рассказывает комплекс документов и предметов 1919–1930-х годов. В витрине – фотографии из семейных архивов членов сегодняшней тверской еврейской общины. На одном из снимков 1930-х годов изображена большая семья жителей Калинина Заборовых, собравшаяся вместе у одного стола. После закры-

графия официального открытия памятного знака в Ильино 25 июля 2005 года на месте гетто.

Один из комплексов музея посвящен правозащитнику Иосифу Дядькину, активному участнику правозащитной деятельности в СССР и первому тверскому диссиденту. В 1976 г. вышла его исследовательская работа «Статисты», в которой анализировались демографические данные о количестве населения в СССР в отдельные периоды.

Национальный еврейский колорит прекрасно передают рисунки художника из Одессы начала XX века. Их копии – представлены в музее.

Центральное место в экспозиции занимает реконструкция интерьера в тверском доме обычной еврейской семьи. Семья у стола показана в момент утренней молитвы. На столе – традиционные подсвечники, посуда приготовлена для трапезы. Рядом со столом – таз для умывания рук, полотенце, ваза для воды. На стене – портреты родственников. Групповой снимок в центре – это тверская семья Заборовых в начале XX века. Крайние левый и правый портреты – это тоже Заборовы.

Старинная история здания тверской синагоги плавно перетекает в историю новейшую. В 2010 году здание тверской синагоги было возвращено общине. Как оно выглядело «до» и «во время» ремонта – рассказывает фотолетопись. А в 2008 году главный раввин России А. Шаевич установил на отреставрированной и обновленной синагоге мезузу.

История тверской еврейской общины продолжается...

Е. ВИНОГРАДОВА,
старший научный сотрудник
Тверского государственного
объединенного музея

НА СНИМКАХ: фотографии экспозиции музея